

ПОСТДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Среди черт наступившей эпохи я называл тенденцию к безальтернативности социальной эволюции. Она заключается в стремлении уничтожить или по крайней мере ослабить все направления эволюции, кроме одного, и это одно навязать всему человечеству. В двадцатом веке инициативу захватил западнизм. Он нанес поражение коммунистическому направлению. Сейчас

он ведет мировую войну против направления, которое представляет арабский мир, и против коммунизма (против остатков советского коммунизма, Китая и других стран). Эту войну называют глобализацией.

Но безальтернативность не ограничивается международным аспектом. Тенденция к ней имеет место и внутри самого западного мира. Она проявляется в том, что на Западе можно констатировать наступление постдемократической эпохи или эпохи демократического тоталитаризма (или тоталитарной демократии).

Либеральная демократия играла роль весьма эффективного орудия западного мира в его борьбе с миром коммунистическим в течение холодной войны. И потому она раздувалась сверх всякой меры. С крахом Советского Союза и советского коммунизма планета стала, можно сказать, «однодержавной» («однопартийной»), и надобность в демократии как в оружии войны, сыгравшем свою роль, отпала. Более того, она в ее гипертрофированной форме стала препятствием на пути эволюции западного мира к сверхобществу и на его пути к мировому господству — на пути глобализации. И демократию не то что отбросили, а отодвинули на задний план, преодолели «сверху», создавая такие условия жизни в западном мире и на планете, что она оказалась поглощенной явлениями иного рода, недемократическими. Переход к постдемократической эпохе есть явление не политическое, а социально-эволюционное.

Надо различать демократию формальную, пропагандистскую, мелочную, локальную, поверхностную, с одной стороны, и демократию реальную, глубокую, существенную, большого масштаба — с другой. Вторая имеет место тогда, когда в человеческом объединении есть различные (с разными интересами) и даже противоборствующие силы, способные за себя постоять и не допустить подавляющее господство одной силы над прочими. Если это условие не выполняется и господствует одна сила, возникает состояние монополизма, обычно называемое тоталитаризмом или диктатурой.

В закончившуюся эпоху, когда в мире противостояли силы демократического «Запада» и коммунистического «Востока» (советского блока), имела место мировая демократия — демократия глобального масштаба. В странах демократического западного лагеря имела место демократия в рамках «национальных государств» и в их взаимоотношениях. Борьба партий суще-

ственным образом влияла на политическую стратегию власти. Существовало плюралистическое общественное мнение, существенным образом влиявшее на поведение партий и правительств. В массах населения и предпринимательства существовали разнообразные подразделения, благодаря которым было возможно существование различных течений в социальной, политической, культурной и идейной жизни людей. Думаю, что годы после Второй мировой войны, в которые имела место холодная война стран Запада против советского коммунистического блока, были вершиной демократии в странах западного мира и вершиной демократии в глобальном масштабе. С разгромом советского блока, Советского Союза и советского коммунизма началось стремительное падение демократии на всех уровнях и во всех сферах жизни человечества — демократии в первом из упомянутых выше смыслов, т. е. в самом повседневном образе жизни людей, включая политическую и идеологическую сферы и сферу «гражданского» общества.

Тот процесс, о котором я говорю, скрыт мощным покровом идеологической и пропагандистской дезинформации и лжи, которые превосходят таковые времен гитлеризма и сталинизма как по техническим средствам и масштабам, так и по интеллектуальной изощренности и лицемерию. Современный воинствующий тоталитаризм рядится в одежды гуманизма, демократии, борьбы за права людей и народов, справедливости. А по существу, по своим делам и их последствиям он страшнее и опаснее цинично обнаженного тоталитаризма гитлеровского толка. Он не обнажен, он глубже, он не встречает серьезного сопротивления, он масштабнее, он располагает неизмеримо большими средствами, он имеет поддержку подавляющего большинства народов западного мира и стран, находящихся под его влиянием, идеологически оболваненных и не задумывающихся над тем, что им угрожает самим, если они не окажут должного сопротивления начавшемуся процессу тоталитаризации планеты. Это — тоталитаризм эволюционный.

Россия была вовлечена в процесс демократизации тогда, когда на Западе закончился период расцвета (гипертрофии) демократии и началась постдемократическая эпоха, причем эпоха эволюции к сверхобществу, одним из компонентов которой является переход к постдемократии. В России реформаторы и обыватели представляли демократию (и западнизм в целом) в том виде, в

каком она была раздута и идеализирована в годы холодной войны. А реальный Запад уже ушел вперед по пути постдемократии. И неудивительно, что Запад одобрил расстрел Верховного Совета РФ («Белого дома») по приказу Ельцина, одобрил ельцинскую «диктатуру во имя демократии». Неудивительно, что Запад очень вяло реагирует на действия путинского «Кремля», оцениваемые российскими демократами как покушение на демократию. Неудивительно, что агрессия США и НАТО против Сербии, Ирака и Афганистана расценивается как защита демократии. Неудивительно, что акты беззакония и вопиющего нарушения прав человека в отношении Милошевича и в отношении талибов не вызывают никакого протеста на Западе.

Россия не является исключением из законов реального эволюционного процесса. Постсоветская социальная организация (постсоветизм) является гибридом коммунизма, который был сверхобществом, и западнизма, который тоже эволюционирует к сверхобществу. Наличие в постсоветизме тенденции к недемократическому советизму (коммунизму) вполне уживается с западнистской тенденцией к сверхдемократии в той ее части, которая является отрицанием демократии. Демократия не есть нечто всеобъемлющее. Ее принципы имеют ограниченную сферу действия. Они неуместны, например, во внутриармейской дисциплине, в деятельности административно-бюрократического аппарата, в организации коммерческих предприятий и т. д. Явления, в отношении которых имеют силу принципы демократии, оказались поглощенными такими явлениями, в отношении которых эти принципы просто лишены смысла, неуместны. Например, запрещение забастовки пилотов, наносящей ущерб многим тысячам пассажиров, или демонстрации, дезорганизующей транспорт многомиллионного города, не есть нарушение демократических прав какой-то категории людей, поскольку это делается в защиту прав других категорий людей, причем превосходящих первых по многим параметрам. Антитеррористические операции не подлежат оценке в нормах военных операций, хотя они включают в себя военные операции. Например, к действиям российских вооруженных сил в Чечне и американских в Афганистане не применимы принципы демократии.

Аналогично выходят за рамки уместности принципов демократии некоторые действия российских властей в отношении СМИ и частных фирм. Другое дело — злоупотребления за счет

такого рода ситуаций. Они бывают не только со стороны нарушителей принципов демократии, но и их защитников.

Демократия не есть нечто вечное, универсальное и всеобъемлющее в человеческой истории. Это временное, относительное и ограниченное явление. И рассчитывать на то, что российские реформаторы и демократы установят в России некую подлинную демократию, не стоит. Они не смогут это сделать, если даже страстно захотят этого, в силу объективных социальных законов и условий в мире.